

РОДНИК страница

Мечта и будни

«МОИ СПЕКТАКЛИ — ОБ ОДНОМ...»

ПОРТРЕТ РЕЖИССЕРА ЮЛЮСА ДАУТАРТАСА НА ФОНЕ ПАНЕВЕЖСКОГО ТЕАТРА

2 июня Паневежский драматический театр начинает гастроль в Вильнюсе, на сцене Государственного академического театра драмы.

...В конце последней недели апреля шли три спектакля в постановке Юлуса Даутартаса: в пятницу — «Открой, ангел, книгу времени» Р. Гудайтиса, в субботу — днем и вечером — «Три сестры» А. Чехова, в воскресенье — «Миколас Глинскис» Ю. Грушаса, также днем и вечером. Поэтому в театре — и в комнате Мильтиниса, как ее называет молодой режиссер, хотя она теперь принадлежит ему, и в актерских уборных — ощущалась атмосфера сосредоточенности и подъема.

Заканчивался «Ангел...» — спектакль, необычный не только для Паневежского, но и для всего литовского театра. Эпопея, или мистерия о человеке и времени, о нации и истории. Три столетия стремительно пролетают в предсмертных видениях, Каралюс Рудвалис видит прошлое своего рода, повороты истории. Три столетия, исполненные утрат и надежд. Спектакль поставлен по этюдному принципу, каждая сцена в достаточной мере самостоятельна. Бег времени, события по-своему комментирует Черная Женщина (акт. Д. Меленайте), в которой таится начало отрицания и смерти, для нее нет тайн, она ведет Каралюса Рудвалиса (акт. А. Бабкаускас) по тропам истории его рода.

— «Ангел...» — спектакль о человеке, который видел и хорошее, и плохое, знал подъемы и спады, но не признавал компромиссов. Вся жизнь, даже в самые трудные минуты, не отрекался он от своего края и любви к нему. История ломала его, пыталась изменить, но он остался таким, каким был, — великим в своей любви к родной земле, — говорит Юлус Даутартас.

— Как ты думаешь, каково будущее нашего театра, его перспективы? Может ли литовская сцена создавать, например, авангардизм, театр абсурда?

— У авангардистского театра иная суть, иные философские и эстетические принципы. Возможно, даже истоки другие, чем у реализма. Поэтому и ставить авангардистские пьесы надо иначе. Тут главное — форма спектакля, элементы гротеска, трагикомедии, фарса, а не развитие характера или логика действия.

— Лет десять назад И. Вайткус прекрасно поставил «Короля Убу» А. Жари, отблески «жестокости театра» заметны и в его постановке «Кинга» И. Глинскиса, а клейпедчане удивили спектаклем «В ожидании Годо» С. Беккета...

— Это, конечно, неплохо, но где наши драматурги? Не думаю, что к нам уже приходит авангардизм. Авангардизм — это прежде всего специальная драматургия. Мы, литовцы, этим не располагаем. Видимо, еще нет необходимости. Мы — традиционалисты.

Даже наши шумевшие постановки классики традиционны. Никакого авангардизма, только новые мотивы: прочитать по-новому произведение, выявить новые акценты. Авангардизм — это, пожалуй, синкретизация классики и современной жизни. В этом направлении работает драматург Л. Петрушевская. По-моему, авангардистскую пьесу в Литве написал Роландас Растаускас. Она типична в отношении традиций, странна ее время, персонажи (пьесе Р. Растаускаса «Бермудский треугольник» мы сможем прочитать в будущем году в альманахе «Вейдай» — Л. Ж.).

— Ну, а новейшая работа — «Триумвират» Р. Гавялиса? Интересна форма, стилистика, действие, светотени, акценты, музыка, сюрреалистический «заряд»...

— Могу сказать только, что актеры с режиссерами в своем театре начинают искать свой стиль, свою манеру. По-моему, в литовском изобразительном искусстве и музыке больше, чем в театре, попыток заглянуть в завтрашний день, экспериментировать. Молодые художники и музыканты Литвы располагают большим числом учителей, чем мы, режиссеры и актеры, учившиеся в Москве или Ленинграде. У нас связь учитель — ученик гораздо слабее. Знаешь, кто был в драматургии подлинным авангардистом? Чехов!

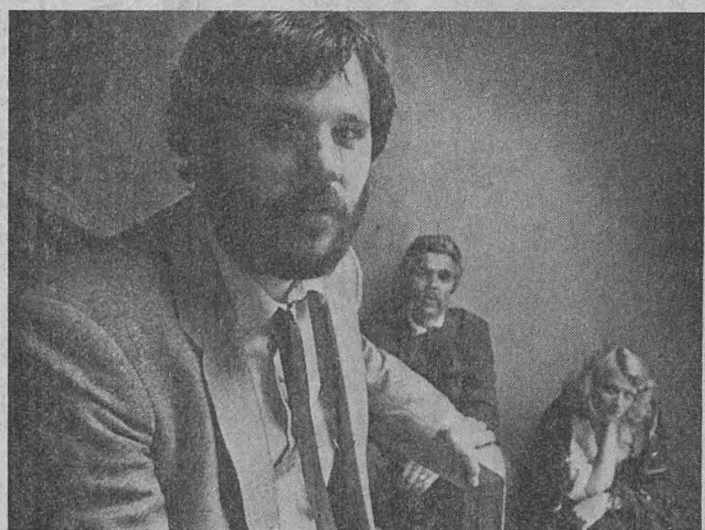
А. Чехов, «Три сестры». Дневной спектакль проходит прекрасно, вечерний, после смены нескольких актеров, чуть-чуть «рвется». Однако суть отшлифована. Солируют Ирина и Тузенбах (А. Прейдите и Г. Адомайтис). В пространстве над сценой купола церквей. Словно город, где происходит действие, словно новая жизнь, на тему которой все вот-вот начнут спорить, словно мечта, которой не суждено исполниться.

Какая печальная драматургия! Все в конфликте, все только и говорят: «Дело надо делать, господа», но не работают. Страдают и одновременно верят, что произойдет чудо, что в их жизни все в корне изменится. Кипят внутри себя, рвутся, как птицы, вдаль, но крылья связаны повседневно. А в финале кто-то уезжает. Из потерянного дома, из гнетущего захламления. Кажется, в другую, полную смысла жизнь. Но, увы, — в неизвестность, которая зачастую равноценна духовной смерти.

— Чехов — подлинный авангардист, — говорит Ю. Даутартас. — Он и Стриндберг создали своеобразный драматический конфликт. Другие — Юджин О'Нил, Тенесси Уильямс — шли в этом направлении. В определенном смысле Чехов предвидел и новые времена, и революцию. Он писал о той интеллигенции, которая уходит, а прийти должно нечто новое.

— Как ты работаешь?

— По-разному. Иногда да-

Режиссер Паневежского драматического театра Юлус Даутартас. Фото А. Жижюнаса.

же странно. Если говорю, за какое время поставил «Ретро», «Ангела...», «Триумвират», мне не верят. Теперь, конечно, я бы не смог так прыгать. Я — за поиск своеобразного и неповторимого спектакля. Для этого нужны спокойствие, сосредоточенность, время. Я хочу, чтобы в театре было тихо и спокойно, а бури и страсти бушевали на сцене. Театр — это странное искусство, наверное, самое хрупкое из всех, искусство секунды. Надо почувствовать пульс этой секунды, поймать ритм. У нас, наряду с хорошими спектаклями, актерскими работами, примерами ансамбля, используя выражение П. Брука, есть много неживого театра. Нам чужд термин «единомышленники». В театре с высокой этикой могут работать разные режиссеры и актеры. Тогда театр только выигрывает. И диктат — не всегда плохо. Его надо понимать не как муштру, а как глубокий внутренний порядок. Ведь и конфликты часто настраивают творчески. Все театральные службы — актеры, режиссер, композитор, осветитель, производственные цехи — должны быть нацелены на спектакль. Я доволен своими сотрудниками — композитором М. Урбайтисом, осветителем А. Зуткисом, художником К. Вайчулисом.

Юозас Грушас, трагикомедия «Миколас Глинскис». Философская драма идей. Главное здесь — не атрибутика истории, а проникновение в человека, в его суть — каков он в обществе, «на пьедестале», и каков, когда его никто не видит и не слышит, когда охватывают противоречивые чувства. Глинскис играет жизнь, делает из нее «дьявольскую комедию», ибо «только здесь подлинная свобода». Страсть разрушения, мощная и неудержимая, ослепляет трагического актера: «Я полюбил зло, я хочу знать, где его предел и что за ним?».

Спектакль сконцентрирован, его интенсивное действие сопровождается хорами Миндаугаса Урбайтиса.

— Я рад, что поставил «Миколаса Глинскиса», — говорит Юлус. — Театр Юозаса Грушаса — это моральный суд, здесь человек — и судья, и подсудимый. Интересно анализировать этот процесс. Я ставлю литовскую драматургию не ради «галочки», не для фестивалей. Необходимо создавать национальный театр. А фестивали — это своеобразная гонка. Как говорится, главное — не победа, а участие. К сожалению, от-

дельному коллективу фестивали ничего не дают. Приезжают театры, играют и уезжают. Фестиваль становится праздником для города, где он проводится, а актеры даже не видят работу коллег. Подобные мероприятия надо проводить иначе, согласовывать репертуар с театрами.

Каков же театр Юлуса Даутартаса? Прежде всего, его основа — хорошая драматургия. Поэтому режиссер может смело ставить, а не делать спектакли. Их надо читать, осмысливать, анализировать. Их душу чутко раскрывают музыка М. Урбайтиса и освещение. Когда сцена тонет в тихом сумраке, свет внезапно «вырывает» золотые купола или акцентирует стоящий в глубине сцены стол, неожиданную фигуру Черной Женщины или Аурелию, невесту Глинскиса. Впечатление сильное.

Ю. Мильтинис создавал в Паневежисе интеллектуальный театр. Нельзя сказать, что Ю. Даутартас разрушает традиции или продолжает их. Он ищет. Он завершает здесь четвертый сезон, стиль и почерк, пожалуй, не определились окончательно, но тенденции к интеллектуальному театру идей ощущаются. Чего стоит интерпретация «Миколаса Глинскиса», трагический конфликт «Трех сестер»!

Говоря о сегодняшнем Паневежском театре, нельзя умолчать о молодых актерах, которых (правда, недолго) учил Ю. Мильтинис, а теперь воспитывает Ю. Даутартас. Это уже упомянутые Аста Прейдите и Гинтарас Адомайтис, который прекрасно отшлифовал две диаметрально противоположные роли — барона Тузенбаха в «Трех сестрах» и короля польского и великого князя литовского Александра в «Миколасе Глинскисе». Это Римас Иовас, так мастерски виртуозно окунавшийся в хаос человеческой природы. Это Альбинас Келерис, В. Евсеевас, Р. Тересас, Л. Кондротайте.

...В театре царит тишина. Актер Римас Иовас, которого через час вновь ждет Миколас Глинскис, прислонился к стене за кулисами, нервно сжимает сигарету. Режиссер немного устал, но полон новых замыслов.

— «Рыжая кобыла с колокольчиком» И. Друца и «Маскарад» М. Лермонтова — таковы ближайшие планы. Все мои спектакли — об одном: о смысле жизни, о человеке...

А. ЖЯМУЛЕНЕ.